

Николай Добролюбов

**Сократово учение по
Ксенофону, в виде
разговоров, в четырёх...**

Николай Александрович Добролюбов

Сократово учение по Ксенофону, в виде разговоров, в четырёх книгах

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3120295*

Аннотация

«...Появление перевода Ксенофонта служит новым подтверждением высказанной нами мысли о пробуждении у нас в последнее время переводной деятельности. Но если римские историки могут иметь некоторый интерес для нашей публики даже и в таком неудовлетворительном переводе, как г. Клеванава:, то никак нельзя сказать этого о Ксенофонте (или Ксенофоне, как пишет переводчик), переведённом г. Синайским. В предисловии он говорит, что предлагает свой перевод в *«назидание любезным соотчичам»*. Но неужели во всей греческой литературе не нашёл г. Синайский ничего назидательнее этого Ксенофонта? ...»

Содержание

**Николай Александрович
Добролюбов
Сократово учение
по Ксенофону, в
виде разговоров,
в четырёх книгах**

*Перев. с греческого Иваном Синайским. Москва.
1857¹.*

Появление перевода Ксенофонта служит новым подтверждением высказанной нами мысли о пробуждении у нас в последнее время переводной деятельности. Но если римские историки могут иметь некоторый интерес для нашей публики даже и в таком неудовлетворительном переводе, как г. Клеванава:, то никак нельзя сказать этого о Ксенофонте (или Ксенофоне, как пишет переводчик), переведённом г. Синайским. В предисловии он говорит, что предлагает свой перевод в «назидание любезным соотчичам». Но неужели во всей греческой литературе не нашёл г. Синайский ничего назидательнее этого Ксенофонта? Выбор его отчасти объясняется, впрочем, особенностью взгляда на греческую лите-

ратуру, выраженную; тоже в предисловии. «Платон, говорит переводчик, в разговоры свои вводил лицо своего учителя и влагал в уста его учение, и чуждое ему; напротив того, Ксенофонт самым добросовестным образом изложил главные пункты Сократова учения». Из этого вы видите, что г. Синайский большой приверженец Сократовой философии, а к Платону питает справедливое недоверие, как к человеку, осмелившемуся слишком вольно толковать мысли своего учителя. Со стороны г. Синайского всё это прекрасно. В Сократовой философии, изложенной Ксенофонтом весьма искусно, находится, в самом деле, много справедливых и дельных вещей, касающихся устройства общества и истинной нравственности. Диалектика Сократа сохранена у Ксенофонта с удивительным искусством, которое одно могло ему доставить присвоенное ему прозвание «аттической пчелы». Но дело в том, что все превосходные истины Сократова учения давно стали не новы и потеряли общественное значение; читать их ужасно скучно и утомительно. Если бы принят был перевод (всех греческих философов, то, конечно, было бы вполне естественно поставить Сократа во главе их. Но, избирая для перевода одно какое-нибудь сочинение, не мешает позаботиться о его интересе для современного общества. Что же, в самом деле, за радость читать длинные рассуждения, и ещё в разговорной форме, – о том, например, что надо уважать родителей, жить в дружба с братьями, воздерживаться от чувственных наслаждений, преклоняться

пред волею богов, повиноваться законам, дорожить добрыми друзьями, не браться за то, чего не знаешь, и т. п. Скука всех подобных рассуждений не выкупается живостью и остроумием некоторых мест, весьма, впрочем, немногочисленных. К числу их можно отнести, например, разговор Сократа с Аристиппом, где Аристипп утверждает, что начальником быть неприятно, потому что начальники, в отношении к подчинённому им обществу, должны быть чем-то вроде слуг, – должны обо всём заботиться, всё готовить для общества, работать за него и уметь переносить все лишения, которых когда-нибудь придётся потребовать от других... Сократ возражает, развивая ту мысль, что здесь весьма важна свободная боля: начальникам хорошо потому, что они всё это делают по произволу, когда им угодно, и могут, если им вздумается, переменить занятие; а подчинённые должны делать то, что им приказано. Хороши также допросы Сократа Главкону, стремившемуся сделаться стратегом или архонтом.

– Ты, верно, хочешь доставить выгоды государству, сделавшись его правителем? – спрашивает Сократ.

– Да.

– Значит, ты уже имеешь хорошее понятие о его доходах и расходах?

– Нет; но ведь обогатить государство можно военной добычей...

– Так ты хорошо знаешь положение военных сил и в отечестве, и в других государствах?

– Нет; этого я не знаю.

– Но всё-таки ты сообразил, по крайней мере, что нужно для охранения страны?

– Нет ещё.

– Однако же, ты знаешь, верно, очень хорошо естественные средства страны нашей?

– Ну, это очень трудно...

Словом, оказывается, что Главкон вовсе и не думал, что нужно приготовить себя к управлению страной, изучая её положение, средства и нужды...

Сократ заключает свои вопросы убеждениями, чтобы юноша поучился прежде, а потом уже искал государственных должностей².

Но, повторяем, Ксенофонт передает немного разговоров, которые равнялись бы в замысловатости хоть этим, приведенным нами отрывкам. Да и эти места теряют всю свою живость в дивном переводе г. Синайского. Его перевод отличается необычайно пёстрым характером: на каждой странице красуются кои, таковые, столькие, ибо, поелику, и проч. Употребляются весьма часто слова: злоключения, вожденный, своих-си, сладце беседовать, благоугождать; и рядом с ними такие слова, как поводливый, промеж собой, мастерица, волокита, и даже – ротные и полковые командиры, кондитеры, камердинеры, пикник, маршрут и проч. Точно будто перево-

---

² Добролюбов привёл эту беседу для сравнения Главкона с невежественными государственными деятелями царской России.

дил какой-нибудь дьячок времён Петра Великого, наставил славянских слов и форм, да и дал поправить какому-нибудь объевропеившемуся придворному, а тот и насовал сюда всякой немечины. Мы сожалеем, что не имеем теперь под рукой перевода Ксенофонта, сделанного в 1762 году Григорием Полетикою. Вероятно, за сто лет до нашего времени не умели так прелестно писать, как умеет г. Синайский. Возьмём из него, для примера, первые попавшиеся строки, чтобы читатель имел понятие о слоге г. Синайского.

СОКРАТ. Не отдал ли бы ты кормить и того человека, который согласился бы и имел силу отбить тебя от людей, намеревающихся нанести тебе обиду?

КРИТОН. С удовольствием бы, только чтоб не думать мне, что и он пойдёт против меня же.

СОКРАТ. Как это? Разве ты не знаешь(ь) что многим приятнее кому-нибудь пользоваться чем-либо от така(о)го человека, как ты за услуги, а не за какие-нибудь низости? Будь уверен, что здесь есть и такие люди, кои за большую честь сочтут быть твоим другом.

Так пишет г. Синайский, издавший недавно «Три статьи по предмету церковно-славянского языка».

На обёртке книжки, изложенной крайне дурно и составляющей 416 страниц в 16-ю долю листа, напечатано: «Цена 1 р. 50 к. сер. Места и лица за вытребованные уже и вновь требующиеся экземпляры благоволят присылать деньги! в Москву на имя Кол. Сов. И. Ф. Синайского, коего квартира в Зво-

нарском переулке, в доме Зырева». Мы думаем, что *места и лица* поступят очень дурно, если благоволят бросить полтора рубля за «Ксенофона», переведённого г. Синайским.

На последней странице замечено *семь* опечаток (восьмая сделана на этой самой странице: вместо *напечатано* стоит – *напечано*). Труд совершенно напрасный: корректура издания такова, что по семи опечаток можно найти почти на каждой странице.